

Ростовский кремль в системе представления жителей Ростова Великого о городском центре (по результатам социолого-градостроительного исследования)

A.B. Иванов

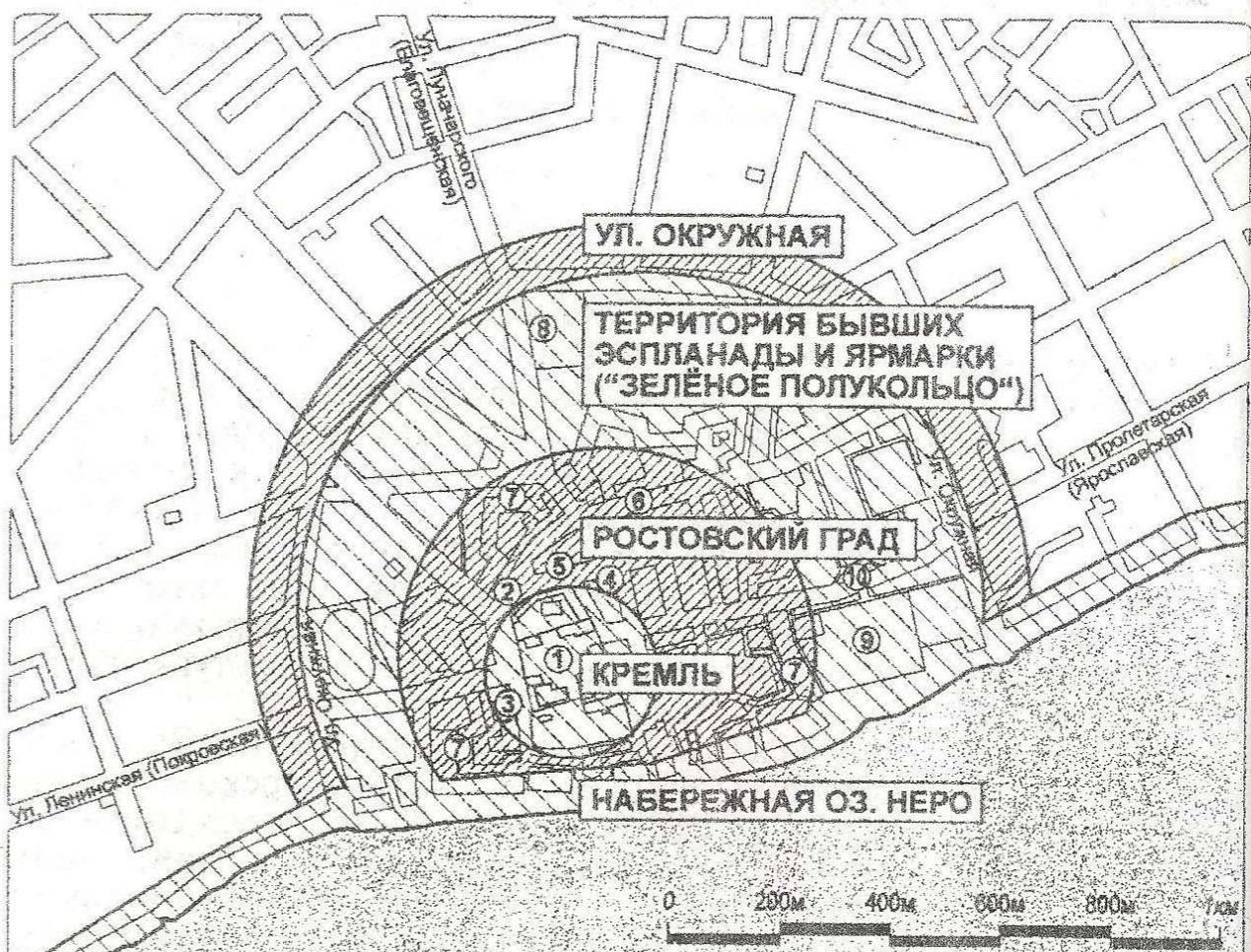
Понятие «культура Ростовской земли» означает не только историческую культуру места в её «музейном» понимании, но и живую, актуальную культуру людей, сегодня живущих на этой земле. Взаимоотношения Ростовского кремля (как ключевого элемента городской среды, уникального памятника русской архитектуры и пространственной «оболочки» Государственного музея-заповедника) и города в целом, рассмотренные сквозь призму восприятия их горожанами, раскрывают некоторые принципиальные особенности сегодняшнего состояния культуры Ростова.

При разработке Федеральной целевой программы «Возрождение и развитие Ростова Великого»¹ Институтом реконструкции исторических городов (ИНРЕКОН, 1998-99 гг.) применена методическая инновация — включение в состав предварительных исследований социолого-градостроительного анализа ситуации. Летом 1998 г. методом анкетирования было опрошено 188 респондентов — представителей различных социально-демографических групп горожан. Мы исходили из понимания ограниченности сугубо профессиональных знаний о городе и хотели выявить то, что невозможно узнать традиционными методами градостроительного и экономического анализа — представления о городской среде, ориентации, предпочтения, степень потенциальной активности конкретных горожан, улучшение качества жизни которых и является конечной целью нашей работы.

Среди результатов исследования обращает на себя внимание явное доминирование Ростовского кремля в структуре социально-психологического центра города². Для многих респондентов кремль является не только главной достопримечательностью, но и центром Ростова. Кремль назвали центром города 35 % респондентов, тогда как территорию внутри земляных валов — 25 %, территорию в пределах Окружной ул. — 19 %, Соборную пл. — 17 %, а наиболее значимую из главных радиальных улиц Ленинскую (бывш. Покровскую) — всего 4 % респондентов, ответивших на вопрос о наиболее центральных, с их точки зрения, местах города.

Как трактовать такую суперцентральность места, в котором сегодня практически нет повседневно привлекательных для горожан функций (музей и собор не относятся, по результатам опроса, к часто посещаемым объектам города³)? Кремль лишен утилитарной составляющей своей центральности⁴, тогда как симво-

**Теоретическая модель распределения качеств
символичности и утилитарности среды на территории ядра
городского центра Ростова Великого**

Объекты, упомянутые в тексте статьи:

① Кремль	⑥ бывш. городской театр
② Соборная пл.	⑦ земляные оборонительные валы
③ Конюшенный двор	⑧ гимназия
④ Гостиный двор	⑨ городской парк
⑤ торговые ряды	⑩ здание городской администрации

Зоны с преобладанием символических качеств среды

Зоны с преобладанием утилитарных качеств среды

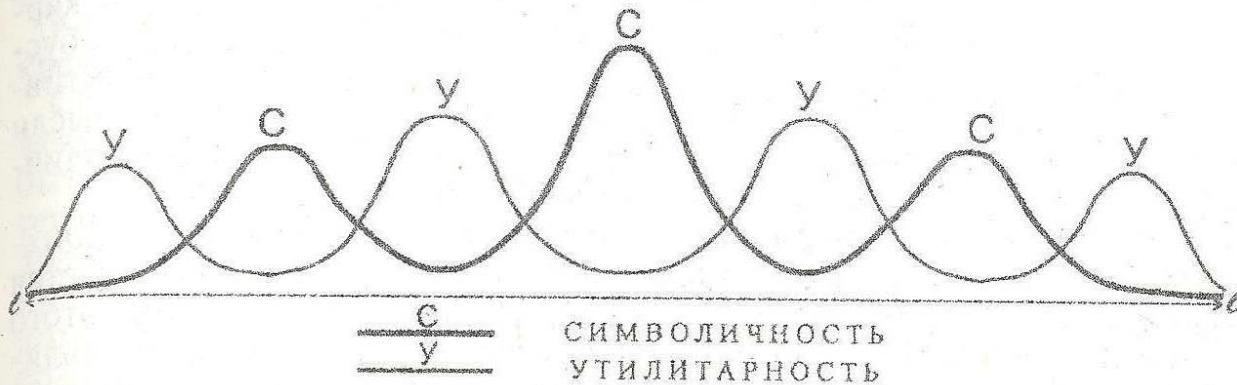
лическая составляющая здесь необычайно значима. В числе главных достопримечательностей города кремль назвали 96 %, а в числе своих любимых мест – 34 % респондентов.

Можно предположить, что феномен кремля обусловлен своеобразной символической моделью центральной среды, присущей ростовцам, преимущественно эстетическим и (или) эмоциональным характером её восприятия. Мы выделили четыре группы причин этого явления.

Историко-символические причины. Возможно, респонденты, назвавшие кремль центром города, просто верят в это как в непреложную истину, не требующую практических подтверждений. Кремль заряжен отзывами былого величия, априорно значим для горожан как зримое воплощение истории города.

В силу той же исторической инерции кремль служит и объектом своеобразного «ностальгического» религиозного поклонения.

Поперечный профиль А-А

Теоретическая модель распределения качеств символичности и утилитарности в среде городского центра Ростова Великого

Если бытовая сторона традиционной городской религиозной культуры, скорее всего, утеряна, то ее знаковые, внешние аспекты ещё значимы для горожан. Конгломерат кремлевских куполов выступает как знак православия, как бы подтверждая конфессиональную принадлежность большинства ростовцев.

Символическое значение кремля в Ростове трудно переоценить. Если что-то и обеспечивает сегодня взаимную интеграцию жителей Ростова Великого, то это кремль. Действительно, «соци-

ально обусловленные символы... способствуют социальной сплошности, без которой любая общность «рассыпается» как карточный домик»⁵. Но является ли кремль именно социально обусловленным символом, местом реализации общественной активности жителей? Анализ ответов респондентов приводит к мысли о том, что социально-деятельностная обусловленность символичности всё же уступает здесь первенство другим факторам.

Топологические и формально-эстетические причины. Если понятием «город» в бытовой речи ростовцев до сих пор обозначается территория исторического ядра внутри валов, то и «центром» этого «города», по крайней мере геометрическим, естественно, является кремль. А с точки зрения архитектурной формы только кремль и есть город в Ростове. Вспомним метафорическое определение П. Вайля: «Привлекательность города определяется количеством ракурсов в единицу времени»⁶. Кремль вблизи и внутри действительно является собой парад эффектных архитектурных форм и ракурсов восприятия, намного превосходя по их плотности остальные участки городской территории. А с дальних точек зрения он выступает визуальной доминантой, украшением всего города, и фактор его функциональной ненаполненности не играет уже существенной роли. В кремле зримо воплощены архитектурная идея Ростова, образ идеального города⁷.

Масс-культурные причины. Развитие внутреннего туризма в 1970 – 80-е гг. было связано с активной пропагандой «парадного» образа Ростова, подчеркивавшего самое визуально яркое и привлекательное для туриста. Усилиями искусство- и краеведов, кино-, теле-, фото- и просто художников – тех, кого можно назвать «имиджмейкерами места»⁸, – образ кремля стал замещать целостный образ Ростова. Показательно повышение веса видов кремля среди графических изображений Ростова при переходе от дореволюционного к советскому периоду. Так, в сборнике фотографических видов Ростова Великого и его окрестностей, вышедшем в начале XX в.⁹, доля изображений Ростовского кремля и Успенского собора составляет 34 %, а в представительном путеводителе советского времени с аналогичным набором сюжетов – уже 72 %¹⁰. Доминирование кремля в визуальном образе Ростова подтверждает и анализ изображений города в произведениях ростовской финифти в 1960-80-е гг.¹¹ Виды кремля встречаются в 67 % городских пейзажей, тогда как виды отдельных церквей – в 27 %, рядовой исторической застройки – в 20 % изображений, а сюжеты с видами городских улиц и площадей вообще не представлены в творчестве лучших художников-финифтянщиков.

И эта установка на кремль как главное в городе, возможно, повлияла на восприятие города его жителями, которые привыкли видеть в Ростове прежде всего главные памятники, в ущерб вниманию к повседневной среде своего обитания. Характерный пример дают результаты нашего опроса: в среднем лишь каждый десятый ростовец в той или иной мере признаёт архитектурную или культурно-символическую значимость исторической деревянной застройки города, на 90 % формирующей жилую ткань его

исторической зоны.

Клишированный образ кремля въелся в сознание горожан. Кремль стал «товарным знаком» Ростова.

Социально-психологические, эмоциональные причины. Но кремль важен для горожан и как символ устойчивости пошатнувшегося бытия. Возможно, одна из главных функций кремля сегодня – терапевтическая: его присутствие успокаивает, в противовес раздражающим бытовым реалиям современной жизни. Ростовцы подсознательно наделяют кремль значением психологического компенсатора – противовеса растущей энтропии окружающей среды.

Показателен еще один ростовский парадокс: никем из респондентов ни разу не было упомянуто здание администрации – «ратуша» Ростова. Никто не ассоциировал «центр города» с его «административным центром». Типично российское отчуждение простого человека от реальной власти обрачивается в Ростове тягой к кремлю как символу власти «идеальной». Так что, возможно, кремль – ещё и знак государства (разумеется, не конкретного сегодняшнего российского государства, но некоего «идеального» государства, как условно высшей и справедливой инстанции).

Во всяком случае, нельзя не согласиться с утверждением, что «...присутствие унаследованного от предшественников памятника-образца в жизненной среде препятствует разрушению органики... пространства человеческого бытия»¹². Так мы вернулись к генезису социально-психологической роли кремля, основанной на совокупном синергетическом эффекте всех перечисленных факторов.

Выводы и предложения. Все основные факторы кремлевской «центральности» принадлежат сфере идеального. Кремль является сегодня для горожан ярким, мощным символом города, способствующим их социальной самоидентификации. Наличие кремля позволяет ростовцам уважать себя, осознавать себя горожанами, гордиться своим городом, несмотря на отчетливо видимую ими множественность его недостатков. Но этого недостаточно для безоговорочной любви к Ростову. Около четверти респондентов, в основном молодежь, хотели бы уехать отсюда в большой город.

Проблема, на наш взгляд, заключается том, что городскую идентичность Ростова определяет сегодня (в социально-психологическом смысле) не концентрация обслуживающих учреждений высшего уровня, не большая развитость и богатство по сравнению с окружной, не развитие новых технологий или интеллектуальный потенциал, т.е. не реальные деятельностные жизненные процессы, но просто наличие в нем кремля – объекта, как бы исключенного из повседневной городской жизни (внегородского или надгородского).

Символичность кремля не подпитывается его живым, реальным функционированием, повседневными человеческими смыслами, и это чревато для города рядом негативных последствий. Гипер-символический кремль оттягивает внимание от реальных,

повседневных проблем городской жизни: ведь красивый «центр» у города уже есть, и потому нормальное обустройство центра реального уже не так важно. Символика для многих ростовцев перевешивает прагматику.

И всё же символическую модель восприятия центра дополняет «средовая» модель: в целом около половины респондентов определили центр как район внутри оборонительных земляных валов, или как более обширную территорию в пределах Окружной ул. Разумеется, все «районные» дефиниции центра включают и кремль, но прямо его не упоминают – для людей, ответивших так, важнее более широкие территориально-средовые целостности.

Таким образом, социально-психологический центр Ростова обозначен кремлем, но не сводим к одному только кремлю. Он закреплён в представлениях горожан на территории исторического ядра города, несмотря на усилившееся в последние годы процессы деградации его среды и появление новых микрорайонов со своими центрами обслуживания. Поэтому сегодняшнее отчуждение кремля и города логично рассматривать как временное, неорганичное для Ростова явление.

Общегородские функции кремля должны стать более органичными и весомыми в контексте функционирования окружающих территорий и всего города. Социолого-градостроительное исследование помогло раскрытию структурно-функционального потенциала среды городского центра и такому «районированию» его территории, которое скоррелировано со средовым видением горожан. Центр Ростова можно развивать, сообразуясь с концептуальной моделью-матрешкой: кремль как символическая доминанта всего города – мощный утилитарный комплекс плотной застройки исторического ядра вокруг – рекреационный, преимущественно символически значимый зеленый пояс бывшей эспланады и набережной – утилитарно насыщенный фронт Окружной улицы. Излишняя «официальность» и «парадность» образа кремля, его содержательная «пустота» могут быть сняты в результате деятельности в двух взаимосвязанных направлениях: насыщения торгово-обслуживающими функциями прилегающей застройки исторического ядра (этой зоне следует вернуть функции живого общегородского центра, привлекательного и для горожан, и для туристов) и некоторой внутренней функциональной перестройки самого музея-заповедника.

Жизнь такого важного для горожан объекта не может происходить самодостаточно, независимо от жизни города. Что следовало бы изменить в социальном функционировании кремля, исходя из результатов исследования? Необходимы развитие в нём новых просветительских, культурных, рекреационных функций с использованием интеллектуального и научного потенциала музея. Нужны, видимо, новые формы собственно музейной работы, новые экспозиции, более динамичные и разнообразные, привлекающие горожан необычностью, событийностью, инновационностью. Наконец, необходимо привлечь сюда детей и молодежь Ростова, дав им возможность не только «посещать экс-

курсии», но и что-то делать, участвовать в жизни кремля.

Важным функционально-пространственным ресурсом укрепления взаимосвязи музея и города является здание Конюшенного двора. Социально эффективное использование этого объекта (после необходимой реконструкции) может стать существенным фактором в возвращении утраченной органичности в среду ростовского центра. Большой потенциал имеет и благоустройство территории кремля, позволяющее ввести новые привлекательные черты в его образ за счёт недорогих периодически сменяемых современных форм городского дизайна, оформления поверхности земли и т.д.

Активная интеграция кремля и размещенного в нем музея-заповедника в городскую жизнь – насущное требование социума и времени. Город – единый организм, и его «сердце» не может быть изолировано от «тела». Иначе будет плохо и тому, и другому.

*

¹ Программа выполняется при долевом участии Госстроя и Минкультуры России, Правительства Ярославской области и Администрации Ростовского муниципального округа и станет одним из первых в отечественной практике документом, определяющим на государственном уровне конкретные меры по развитию малого исторического города с выдающимся наследием и механизмы выведения его из социально-экономического кризиса.

² Термин «социально-психологический центр» введен Ю.Г. Вешнинским (см.: Вешнинский Ю.Г. О методике составления оценочных карт территории города (на примере Москвы) // Прикладные социально-географические исследования. Тарту, 1984. С. 212-214).

³ Так, кремль-музей является часто посещаемым объектом всего для 10 %, тогда как, например, центр 1-го (Северного) микрорайона – для 25 % респондентов.

⁴ Известно, что и в период расцвета архиерейского двора диапазон его функций также был достаточно узок. Здесь размещались резиденция епархиальных архиереев, епархиальный центр, вотчинный центр, т.е. только религиозно-административные объекты и функции (см.: Виденеева А.Е. Структура Ростовского архиерейского дома в XVIII веке // ИКРЗ. 1996. Ростов, 1997. С. 117-121).

⁵ Сикевич З.В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социол. исслед. 1999. № 1. С. 87.

⁶ Вайль Н. «Я писал для собственного удовольствия»: «Гений места» – это книга о вкусном и здоровом мире // Ex libris НГ. 20.05.1999. С. 9.

⁷ Ансамбль ростовского архиерейского двора, возможно, и строился во второй половине XVII в. как уподобление горнему Иерусалиму (см.: Мельник А.Г. О некоторых композиционных приемах ансамблевой организации Ростовского кремля // Мельник А.Г. Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 46-51).

⁸ Веденин Ю.А. Мифология туристских ресурсов и эволюция представлений о ресурсном потенциале территории // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 4. С. 87-90.

⁹ Виды Ростова Великого и его окрестностей. Б. м., б. г. (судя по дарственной надписи А. Титова на экземпляре из фондов РГБ, предположительно изданы в 1904 г.).

¹⁰ Вагнер Г.К. Старые русские города. М., 1980. 420 с.

¹¹ Борисова В.И. Ростовская финифть. М., 1995. 160 с.

¹² Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градоустройстве // Социол. исслед. 1998. № 2. С. 95.